

ИННОВАЦИИ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА¹

А.Д. Воскресенский

Современные официальные парадигмы, признавая необходимость сотрудничества, на практике пока слабо увязывают процесс мирового развития кооперативистского типа с внешними и внутренними аспектами национальной экономической, политической, научной и образовательной модернизации и процессом производства, приращения и распространения инноваций. Понимание и прогнозирование упущенных возможностей или непродуманных решений в процессе модернизации требует нового уровня не только образования, но и интеллекта, что подтверждается простой логикой современного научно-технологического развития: в современных обществах бессмысленно приказывать совершить научное открытие и производить инновации, так же как нельзя «назначить», к примеру, лауреата Нобелевской премии. Но, создавая, поддерживая и развивая открытую конкурентную научно-образовательную среду с правильно выстроенными институтами, доброжелательными и гуманистическими отношениями «внутри» высокопрофессиональных и/или творческих сообществ, можно «вырастить» кандидата, в частности, и на Нобелевскую премию, изобретения которого в соответствующей социальной среде могут быть трансформированы в инновации. В современном обществе кандидат на мировое признание по производству инноваций, скорее всего, как показывает практика, будет «продуктом» формирования нескольких национальных образовательных систем и научных школ, через которые он пройдет в ходе достаточно долгого пути (в зависимости от своего изначального интеллектуального потенциала) индивидуальной интеллектуальной эволюции. Специфика науки и образо-

вания как ключевых сфер в производстве изобретений, да и вообще всего процесса приращения инноваций, заключается в том, что, реформируя и рационализируя институты науки и образования, пока никому не удалось административно (т.е. искусственным путем) «ускорить» созревание собственного интеллекта нации, «подстегнуть» процесс приращения знаний и формирования среды инноваций без создания условий и атмосферы, благоприятствующих получению, передаче нового знания и трансформации его составных частей в инновации. Три известные попытки XX в. осуществить «ускоренное развитие» образования и науки в закрытых обществах на собственной почве — в нацистской Германии, периода «культурной революции» в Советской России и в маоцзэдуновском Китае, привели к таким потерям в национальных системах науки и образования, на преодоление которых каждой из этих стран потребовались десятилетия. Самый яркий пример — потеря Германией своей самой современной к 1930-м гг. национальной школы ядерной физики в ходе насильственной «этнической национализации» науки и образования. Восполнить потери прошлого, «научный статус» и инновационный потенциал стало возможным только в 1990-е гг. путем международной научной кооперации и, в частности, «за счет» распавшегося СССР.

На основе научных подходов и сравнительного исторического опыта выстраивается цепочка взаимосвязей между императивами внутреннего развития и их внешним обеспечением и, соответственно, между задачами внутренней, в том числе образовательной и инновационной, политики и их внешней поддержкой, т.е. в том числе и внешнеполи-

тической. Поиск оптимального баланса внешней и внутренней политики связан как со степенью зрелости национальной политической элиты, осуществляющей такие преобразования, так и с ее культурным своеобразием, преобладающими архетипами восприятия своего собственного исторического и зарубежного опыта, национальным характером и национальными стереотипами. То есть национальный консерватизм модели восприятия мира может мешать национальному развитию и препятствовать процессу производства социальных и технологических инноваций, а может помочь обеспечить стабильность развития и создавать базу производства инноваций в определенных сегментах общества.

Если мы исходим из того, что научные открытия и инновации продуцируются спонтанным озарением, то мы отрицаем необходимость научной базы, международного уровня образования и системы получения и приращения высокопрофессионального знания (и кухарка может управлять государством, и дворник может совершать научные открытия), необходимых для получения открытия и продуцирования инноваций. Тогда мы сакрализируем процесс открытия и можем посчитать, что для обеспечения его гуманитарно-обществоведческой составляющей уровень, глубина знания, степень освоенности мирового знания второстепенны. Если мы исходим из того, что открытия есть полученные логико-интуитивным путем и подтвержденные экспериментом (при всем своеобразии его в некоторых областях науки) новые знания в конкретной области науки, то мы утверждаем понимание необходимости получения базовых и продвинутых естественнонаучных и социально-гуманитарных знаний международного уровня путем обучения и исследовательской деятельности.

Сегодня «открытие» в гуманитарных и общественных науках сделать крайне трудно, и также не просто передать на

соответствующем уровне следующим поколениям весь тот огромный багаж гуманитарного и обществоведческого знания, которое имеет человечество. Гуманитарное и общественное знание не накапливается в том смысле, что его нужно заново осваивать каждому новому поколению. Но высокий уровень этого знания, в конечном счете, и привел человечество в том числе и к сегодняшнему уровню технологий и знаний в области естественных наук. «Усекать» и «сокращать» это знание — значит выпускать в жизнь специалистов, не готовых к новому этапу международной конкуренции, т.е. обрекать свою страну на заведомый проигрыш в конкуренции по производству инноваций.

В области естественных наук научное открытие может приводить, а может и не приводить к получению инноваций — коммерциализированных изобретений — в зависимости от созданного технологического уровня и уровня социально-политических инноваций в конкретной стране, т.е. изобретение не обязательно трансформируется в новый уровень технологий в конкретной стране. Таким образом, сегодня «освоение» и в гуманитарных, и в естественных науках может означать только международно признанный «уровень освоения» всей номенклатуры мирового знания, подтвержденный международно признанным, а не только национальным, результатом научных исследований.

В одной из последних книг гарвардского профессора британца Н. Фергюссона «Цивилизация: Запад и другие»² удачно показано, что начиная с XV в. Запад сумел вырваться в своем развитии вперед, поскольку предложил шесть инновационных концептов, которых не было у других цивилизаций: конкуренцию, современную науку и образование, правопорядок, современную медицину, экономическое потребление, трудовую этику. Сегодня не освоившие эффективно эти концепты обречены на неизбежное

отставание. Все другие успешные цивилизации освоили эти шесть концептов, начав соревнование на пути построения социально-политического порядка открытого доступа, путей совершенствования социально-политического порядка открытого доступа и, возможно, национальных версий социально-политического порядка открытого доступа во всех сферах, в том числе в науке, образовании, инновационных сферах деятельности. На этой основе и стало происходить конкурентное продвижение к следующему, более высокому и совершенному технологическому и социальному укладу. Завершение эпохи базового освоения этих социальных инноваций всеми социальными обществами, адаптировавшимися пусть и в различной степени к эпохе современности, а также складывающаяся конкуренция на пути построения более совершенных версий социально-политического порядка и вызывает дискуссию о характере и формах мирового лидерства, в том числе в науке и образовании, а также требуют увязки проблематики мирового лидерства со способностью производить социальные и технологические инновации самого высокого уровня в ключевых областях науки и экономики.

Сегодня вхождение в «клуб» мировых лидеров связано не только с уровнем экономического, технологического и политического развития, но и со способностью продуцировать и транслировать интеллектуальные и социальные инновации, т.е. обеспечивать диффузию инноваций. Конкуренция на пути продвижения к новому, более совершенному технологическому и социальному укладу, требует производства социальных, экономических и политических инноваций, которые являются базой для инноваций технологических, а также создания современной системы производства и передачи знания следующим поколениям. Сумевшие обеспечить продуцирование как технологических, так и со-

циальных инноваций подтвердят свой существующий статус или станут новыми мировыми лидерами. Формула успеха в формировании национальной политики в области науки и образования сегодня общеизвестна. Она заключается в умелом сочетании общих закономерностей и своей собственной специфики в ходе модернизации традиционных методов получения знания, его воспроизводства и развития в образовательном и исследовательском процессе с сохранением всего рационального и нужного, что накоплено к моменту начала модернизации. Только путем полного освоения номенклатуры мирового знания (хотя способы и формы его освоения и могут быть разными), а не его выборочных сегментов, и модернизации инфраструктуры и институтов получения и передачи знания может произойти осовременивание старых и становление новых собственных, отечественных инновационных школ мирового уровня, востребованных и в среде практиков.

В настоящее время в России происходят быстрые изменения во всех областях, совершенствуются отношения государства и общества. Необходимость изменений провозглашена в сферах образования и науки. Образование и наука становятся ключевыми сферами в инновационном преобразовании экономической, правовой, политической и духовной сфер, в формировании будущего страны. Зафиксирована необходимость разработки и проведения в жизнь научной стратегии развития, в том числе и научных стратегий модернизации образования и исследований. В этой связи тривиальна истина, что ключ к экономическому и технологическому развитию лежит в сфере образования и исследований в естественнонаучной сфере. В то же время без классного гуманитарного и общественно-политического образования и науки мирового уровня никакие задачи технологического обновления решить не удастся. Следовательно, повышается важность

научного определения соотношения между гуманитарным/обществоведческим и естественно-научным знанием в соответствии с запросами на инновации современного государства и общества. Роль в этом процессе гуманитарных и общественных, в том числе и политических, наук очевидна, а без международных сравнений и кросс-регионального и кросс-трансового анализа просто не обойтись.

В свое время новая советская политическая элита посчитала, что страна сможет вырваться в лидеры потому, что раньше других «угадала» мировое направление социальных инноваций — императив построения единого коммунистического общества и обобществления производства — как тренд будущего развития всего мира. Политики решили, а часть научного сообщества сразу же согласилась с псевдонаучной необходимостью «подстегнуть» путем насильственной мобилизации развитие одной, даже не самой-то и передовой страны, чтобы обогнать другие страны на этом угаданном как единственно верном пути через усечение комплексной сложности общества силовым искоренением альтернативных путей развития. В этот угаданный тренд, ставший «новой религией», поскольку научный анализ мирополитической реальности был просто «подверстан» под «социальный заказ» неожиданно вставшей у кормила власти в результате исторических потрясений и «сконструированной» путем социальной инженерии политической элиты, были вложены колоссальные национальные ресурсы, а на его алтарь брошены миллионы жизней. В конце концов оказалось, что был допущен грубый просчет в региональном политико-экономическом анализе социальных и технологических перспектив мирового инновационного развития. В ходе коррекции национального курса развития часть политической элиты «приняла решение» «закрыться» от внешнего мира, а несогласных с такой

постановкой вопроса — репрессировала, т.е. физически уничтожила или отправила в лагеря. Но такой путь обеспечил рывок на очень коротком историческом этапе, с колоссальными издержками и в конечном счете привел к распаду государства. Сегодня цена таких «просчетов» общеизвестна.

Лидерство в продуцировании технологических и социальных инноваций или даже просто интенсификация этого процесса вряд ли достижимы «через» попытку возглавить государства естественного социального доступа в их возможном, но исторически проигрышном противостоянии государствам открытого социального доступа³. Даже если предложить другим государствам взять за основу новую «синтетическую», основанную на спонтанных озарениях, но не подкрепленную научными инновациями, иерархически сегментированную картину мира, другие государства и народы могут не принять ее хотя бы просто потому, что будут, как не желающие присоединиться к такой коалиции, так и самостоятельно или с внешней помощью успешно осуществляющие переход от системы закрытого или полужакрытого социального доступа к системе открытого социального доступа. Причем количество государств с системой открытого социально-политического доступа будет увеличиваться просто в силу факта большей открытости и справедливости этой системы, а значит, ее большей универсальности, если мировое устройство не архаизируется из-за какой-либо мировой или космической катастрофы, которую человечество не сумеет предвидеть или предотвратить. Однако в этом случае вопрос будет стоять «просто» о биологическом выживании человечества на фоне примитивизации всех форм социальной деятельности. В то же время «силовое насаждение» или «прямой импорт» социальных инноваций, даже, казалось бы, самых передовых, нередко приводят к прямо противоположным результатам —

отторжению даже рациональных предложений, усилению конфликтности и противостоянию разных точек зрения на мировое развитие без перспективы поступательного гармоничного движения.

Так происходит постепенное «устаревание» традиционных международных отношений и господствовавшего в 1990-х гг. видения традиционного предметного поля мировой политики⁴, «расширение» и «интернационализация» этого поля, повышение интеллектуального уровня аргументации и инкорпорирование проблематики, связанной с появлением региональных подсистем международных отношений⁵, новой региональной реальности и характера внутреннего политического развития⁶, которая требует применения кросс-региональных сравнительных подходов. Эти процессы де-факто привели к появлению нового сегмента современного знания — мирового комплексного регионоведения и сравнительной мировой политики — в предметном поле дисциплины «мировая политика», в свое время «отпочковавшейся» от традиционных международных отношений. Если говорить о России, то только таким путем полного освоения номенклатуры мирового знания, а не его выборочных сегментов может произойти становление собственной, отечественной школы, позволяющей конструировать практикоориентированное предметное поле и реалистичные мирополитические и внешнеполитические концепции компаративистского характера, востребованные в среде практиков, которые традиционные международные отношения не продуцируют, а возможно, никогда и не смогут спродуцировать в силу методологической ограниченности своего предметного поля, концентрирующегося «вокруг» межгосударственных отношений без глубокого комплексного осмысления причин тех или иных мировых событий, в современных условиях, в особенности движущих сил и характера составляющих

мирового инновационного развития кооперативистского типа.

Сегодня становится как никогда ясно, что сфера применения реализма как концептуальной основы национальной внешней политики непрерывно суживается⁷, так как при развитии опираться только на национальные ресурсы, исходя из фиктеанских представлений о «замкнутом государстве» XIX в. и основанной на этих философских представлениях советской политико-экономической системы закрытого типа⁸, больше не представляется возможным. Издержки такого развития, прежде всего с точки зрения технологического и инновационного отставания, слишком велики. Это хорошо показало сравнение опыта СССР и КНР, выразившееся в технологическом и экономическом отставании закрытой системы советского типа от мировых лидеров и, параллельно, в ускоренном сокращении отставания при внутренних реформах и одновременном увеличении степени открытости в Китае. Действительно, изобретения отца и сына Черепановых, А. Попова, С. Лебедева, И. Сикорского, А. Прохорова, Ж. Алферова известны во всем мире, но существующая в СССР система не позволяла конвертировать идеи в рыночный товар — коммерциализовать идеи и превращать их в инновации, поскольку отрицала социальные инновации, создающие механизмы для массового распространения инноваций технологических. В сегодняшнем мире реальность пространства взаимозависимости (прежде всего финансовой, ресурсной и технологической, но также и политико-экономической) и основанной на ней необходимости кооперации превалирует, в то время как реалистическая традиция продолжает испытывать традиционные сложности при объяснении этой мировой тенденции и, соответственно, выработки рекомендаций для формулирования конструктивной внешней политики кооперативистского типа. Таким образом, путем

конструирования международных отношений дипломатическими средствами через эволюцию существующей модификации мирового порядка можно решать, в частности, и вопросы финансирования инноваций с целью сокращения разрыва с технологически наиболее развитыми странами⁹. Хотя фундаментальные экономические кризисы в мировой системе возникают при жизни каждого отдельно взятого поколения¹⁰ силовой слом существующего мирового порядка¹¹ лишает надежды на лучшее будущее, поскольку ставит предлагающую такую силовую деконструкцию страну перед дилеммой поиска союзников, цели и национальные интересы которых могут де-факто оказаться совершенно несхожими, а возможно, и противоположным образом ориентированными, либо же осуществлять слом и строительство нового политико-экономического пространства на развалинах старого мирового порядка самостоятельно, что чревато перенапряжением сил и национальной катастрофой. Историческое прошлое СССР и КНР (революция 1917 г. в России и курс на «мировую революцию», далее незаконченный период нэпа, построение социализма сначала в отдельно взятой стране, затем построение мировой социалистической системы, советско-китайский раскол, китайская «культурная революция», реформы в КНР по образцу нэпа в Советской России и постепенная модификация системы социально-политического доступа, распад СССР и изменение политико-экономической системы в России при сохранении системы естественного социально-политического доступа и возвращении к системе «передачи власти по кругу») показало, что радикальные социально-экономические потрясения при сохранении циклического развития в рамках порядка естественного социально-политического доступа в реальности приводят только к архаизации существующих социальных поряд-

ков и могут отбросить страну вниз по этапам «внутри» соответствующего порядка социального доступа и назад на многие десятилетия при том, что весь мир в целом может двигаться поступательно по лестнице социального развития. Следовательно, суживающие сферы своего применения определенным типом государств и определенными региональными сегментами мира концепции реализма неизбежно подвергнутся еще большей модификации, исходя из тех кардинальных изменений, которые произошли в международных отношениях за последние три десятилетия, а также исходя из главного аргумента: мир изменился настолько сильно, что игнорировать проблему трансформации национального государства, национального суверенитета, существующего международного порядка, формирования транснационального экономического и наднационального политического пространства, взаимосвязи этих процессов с проблематикой развития и превалярованием в силу этого кооперативистских подходов больше не представляется возможным, так как игнорирование этих изменений приводит к необратимому отставанию государств, исповедующих устарелые или анахроничные концепции, и окончательной утрате ими своего потенциала социальных и технологических инноваций. Это положение иллюстрируется появлением не только догоняющих, но и «неуспевающих» моделей развития в обществах, которые не просто отягощены неэффективными политическими и экономическими системами в силу превалярования неэффективных экономических и политических концепций, но и постепенно откатываются на периферию мира без какого-либо шанса хотя бы затормозить свое отставание. Сравнительный анализ советского и китайского опыта — самая яркая иллюстрация этому положению. Это самый главный результат кросс-регионального анализа для современной России.

Представители школы структурного лидерства в международных отношениях говорят, что расхождения между западными державами наблюдаются в целом лишь относительно тактических вопросов, а лидер западного мира — США — будет и дальше развиваться достаточно динамично. И хотя военным путем обеспечивать свои интересы становится все труднее, а издержки крупномасштабного использования военной силы становятся все большими, но все же пока лидирующая роль в переходе от индустриальных к информационно-финансовым обществам и далее к обществу со следующим технологическим укладом принадлежит странам Запада, и прежде всего США, поскольку только они могут подкреплять этот переход, в частности, когда это нужно, военной силой, хотя их возможности делать это односторонним образом, без опоры на региональные или международные коалиции, становятся более ограниченными. Несмотря на то, что некоторые из стран Востока (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, а в последнее время и Малайзия, Таиланд, Индонезия) вступили в довольно успешную политико-экономическую конкуренцию с западными странами, они не смогли и не стали пытаться создавать альтернативные политико-экономические системы, а сделали другой стратегический выбор — влились (по крайней мере это можно говорить о Японии, Южной Корее, Тайване, Таиланде) в общее политико-экономическое пространство развитых в экономическом и политическом отношении государств с социально-политическим порядком открытого доступа, технологический отрыв которых от государств с естественным (ограниченным) социальным доступом в целом пока не вызывает сомнений, хотя их абсолютная доля в мировом ВВП и может сокращаться. Это дало возможность строить единое политико-экономическое пространство инновационного социально-го и технологического развития. Дело

в том, что, по данным предкризисного 2006 г., расходы на НИОКР в Китае составили 1,42% ВВП, в США — 2,61%, в Японии и Южной Корее — более 3%. Среди пятидесяти ведущих стран мира Китай по способности к техническим инновациям занимал пока лишь 24-е место, после Бразилии и Индии. По данным Шведского института управления, на 10 тыс. человек в Китае патентуется 108 изобретений, в то время как в Японии — 1737, Германии — 1534, Южной Корее — 540, Индии — 432. С 2000 г. в США на поддержку фундаментальной науки шло 18% общих расходов на НИОКР, в Германии — 20%, Франции — 24%, а в Китае 5,73%¹².

Страны Запада или Севера (теперь этот изначально географический термин становится все более и более условным) с центром в ЕС и США концентрируются на наукоемких отраслях, составляющих ядро постиндустриального уклада, и начинают производить инновационные технологии, которые будут составлять основу следующего технологического уклада, а новые индустриальные страны (включая современный Китай), даже стремительно обучающиеся и успешно конкурирующие со странами Запада в некоторых областях индустриальных товаров и электроники, в целом концентрируются пока все же на другом — на производстве технического оборудования для информационных технологий, на совершенствовании и удешевлении уже существующих технологий, на конечной сборке готовых изделий.

Дело в том, что любая *инновация* в своем развитии проходит три этапа:

- *изобретение* (открытие, новая идея);
- собственно *инновация* (первый этап коммерциализации изобретения) и
- *диффузия инноваций* (распространение и повсеместное использование продукта инновации, приносящее финансовый доход).

Эти три этапа могут совпадать или находиться практически в одном временном отрезке, а могут быть и разнесены по времени¹³. Опыт СССР доказывает, что инновация не обязательно может следовать за изобретением (можно открыть новую частицу, но первый коммерческий продукт — следствие этого изобретения может последовать через 30-40-50-90 лет), а может и осуществиться в других странах (к примеру, кислородно-конвертерный процесс производства стали, коммерческое использование вертолетов и др.). Кроме того, следует различать *процесс инновации/инновационный процесс* (т.е. использование существующих технологий для создания новых бизнес-моделей производства дешевых товаров или услуг) и *продукт инновации/инновационный продукт* (исначально новый, до этого нигде не производившийся коммерциализованный продукт). Инновационные процессы и диффузия инноваций происходит повсеместно и на Западе, и на Востоке, но инновационные продукты (микрочип, Walkman, cd-player, компьютер, Windows, iPod, iPad, Google Glass и др.) в своей массе последние 150 лет поступают из наиболее научно развитых стран западного мира, включая Японию, которые умеют воспроизводить все три этапа производства инноваций, передавая производства по лицензии в другие страны, когда появляется возможность их бесплатного копирования и тиражирования. Все основные параметры жизни современного общества (социальные и технологические инновации) и весь его бытовой уклад изобретены и придуманы именно западной цивилизацией за последние 150 лет. Поэтому пока, даже в условиях экономического подъема Азии, преждевременно считать, что этот регион превращается в новый технологический центр мира, так как механизм производства инноваций достаточно сложный, его невозможно заимствовать и крайне сложно воспроизвести¹⁴. В современных условиях производство иннова-

ций в закрытом обществе представляется маловероятным, хотя отдельные изобретения возможны. Следует отметить, что в целом механизм производства изобретений, ведущих к инновациям, плохо изучен даже применительно к реалиям технологически наиболее продвинутого западного мира, однако в целом можно сказать, что открытая, транспарентная и легальная, четко организованная система, предусматривающая комфортные условия интеллекту при одновременной жесткой защите авторских прав, скорее приведет к появлению инноваций, чем система «закрытого государства», где интеллект эксплуатируется за счет внеэкономического принуждения и насилия над личностью. При этом перерыв или замедление в производстве инноваций может объясняться разными причинами в обществах разного типа: как концентрацией знания, так и начавшимися процессами технологической архаизации.

Такое понимание ставит вопрос о необходимости глубокого овладения всей номенклатурой существующих сегодня научных подходов к развитию обществ, т.е. к всестороннему пониманию методов и механизмов производства социальных инноваций, как с точки зрения выявления их сильных и слабых сторон, так и с точки зрения прагматичного понимания их исторической ограниченности или научной прогностической состоятельности, при этом отделив понимание этой проблематики, основанное на научной рациональности, от идеологических конструкций.

Можно попытаться интенсифицировать производство наукоемкой продукции через расширение трансрегиональных связей, трансрегиональное и региональное сотрудничество, однако это потребует создания открытой и конкурентной среды, что невозможно для закрытых обществ. Следовательно, в современных условиях этот путь невозможен без социальных инноваций и инновационной и конструктивной внешней поли-

тики. Даже в условиях умелого и эффективного государства, сумевшего создать открытую инновационно восприимчивую среду, этот процесс не будет легким, так как ключевыми являются инновации в стратегических отраслях и военном деле, а их производство будет встречать дополнительные трудности: необходимость производства продукции самого высокого качества, а не «второй категории» в условиях ограниченной конкуренции военных отраслей, особенно в странах с полностью «закрытыми» рынками военной продукции или продукции двойного назначения; цена такой продукции должна определяться на открытом рынке с учетом затрат на технологические инновации, иначе они будут экономически неэффективными; должна быть обеспечена техническая поддержка самого высокого уровня и расширенная эксплуатационная гарантия такого продукта, которая сегодня не может оказываться вне международной культуры конкурентного менеджмента и сервиса; трансрегиональное производство инновационной продукции может предполагать кросс-инвестирование, совместное производство, совместный экспорт, что связано с проблемой «раздела» интеллектуальной собственности и что может противоречить принципам национальной безопасности в военных отраслях производства. Кроме того, догоняющий экспортоориентированный прежде всего на страны Запада и США путь модернизации, которого придерживаются страны Востока и который закреплен неравномерным процессом глобализации, в принципе, пока не позволяет ни серьезно подрывать, ни оспаривать мировое технологическое лидерство существующего ядра мировой политико-экономической системы. Структурно-экономическое и финансовое «становление» альтернативных цивилизационных моделей (к примеру, так называемого «Большого Китая») может проходить так же долго, как и становление западной (около 400 лет), и быть при

этом отнюдь не линейным, гладким процессом.

Следующий важный аргумент: размер экономики не связан с ее инновационным характером. Демографическое и территориальное «сокращение» Запада и «упадок» США происходит при сохранении как относительных, так и абсолютных финансово-экономических, политических и военных позиций, а также западной интеллектуальной и культурной «экспансии». Парадоксально с точки зрения теории «угасания Америки», но факт: рост американской экономики последние 20 лет до начала кризиса в среднем составлял примерно 3% (в Германии и Франции — 2,5%, в Японии — 3%), производительность труда за последние 10 лет росла на 2,5% (на 1% быстрее, чем в Европе). В 1980 г. американский экспорт составлял 10% мирового, а в 2007 — 9% (т.е. американский экспорт за 30 лет сократился всего на 1%, что трудно как-либо интерпретировать в экономическом смысле, а весь остальной произведенный в США продукт потреблялся, прежде всего, внутри страны), американская экономика до предкризисного года оставалась на самом верху рейтинга конкурентоспособности, была первой по инновационности, девятой по технологической готовности, второй в мире по объему капиталовложений в исследования, инновации и качеству исследовательских институтов¹⁵. Два новых индустриальных гиганта — Китай и Индия только по размерам своих экономик (т.е. по объему ВВП, пересчитанному по паритету покупательной способности) стали приближаться к США. Имея 5% мирового населения, США последние 125 лет производили от 20 до 30% мирового ВВП, эта доля в 2007 г. составляла 26%, сегодня — не менее 24% от мирового ВВП в зависимости от методик подсчета. Американская экономика продолжает оставаться самой большой в мире экономикой с 1885 г. и по прогнозам останется такой по абсолютным показателям, по

крайней мере, до 2025–2035 гг., т.е. еще 13–20 лет, если считать, что ничего в мире кардинальным образом меняться не будет, включая саму американскую экономику.

По паритету покупательной способности (ППС) этот разрыв может сокращаться, однако методика ППС не отражает стоимостных показателей инновационных и высокотехнологичных продуктов, хотя их копии по лицензии или на основе легально или нелегально заимствованной интеллектуальной собственности и могут быть существенно дешевле. По ППС объем китайского ВВП стал вторым в мире, но этот ВВП до 70% состоит из экспорта и иностранных инвестиций, а проекции экономического роста основаны на статичных показателях экономического роста и инфляции 2008 г.¹⁶ Да и с «переставшей производить» Америкой тоже все обстоит не так уж и просто: по данным ООН (UN Industrial Development Organization), в 1980 г. на США приходилось 20% мирового промышленного производства, в 2008 г. доля США упала до 17,5%, но при этом все же оставалась самой большой в мире. Вторым шел Китай (17,2%), далее Япония (10%) и Германия (7,3%). При этом США лидировали по 19 ключевым показателям, а в китайскую статистику включалась кроме собственно промышленного производства также и добыча полезных ископаемых, производство электричества, газа и воды, что не учитывается в американской статистике. В 2009 г. Китай превратился в самого большого экспортера товаров, оставив на втором месте Германию, а на третьем США, но при этом Китай уже занимает второе место в мировой иерархии по импорту, вплотную приближающееся по объему к импорту США. Но если к экспорту товаров приплюсовать экспорт услуг в финансовых, финансово-экономических и бухгалтерских секторах, медицине и телекоммуникациях — т.е. в тех секторах экономики, которые интенсивно развиваются имен-

но в обществах постиндустриального типа, создавая новые рабочие места и новые нематериальные продукты высокой добавочной стоимости, на которых основывается в том числе и материальное производство, то статистика покажет противоположный результат и выстроит прямо противоположную иерархию ведущих государств, где на первом месте будут США, а затем Германия и Китай¹⁷.

Несмотря на серьезные кризисные явления в обеих частях макрорегиона Запад или Север, там уже начались серьезные процессы реструктуризации, самый яркий пример которых — создание Транстихоокеанского партнерства и Евроатлантической экономической зоны, при том, что в целом «инновационные» основы западной цивилизации, стержнем которых является инновационно-технологический потенциал США, отнюдь не были подорваны кризисом. Страны Востока (или того, что принято называть Востоком) — и это там достаточно четко осознается — до настоящего времени не сумели четко сформулировать альтернативы «западному» пути развития, хотя и пытаются это сделать, а альтернативный путь, предложенный в свое время СССР, в конечном счете, оказался несостоятельным¹⁸. В целом стратегия наиболее успешно развивающихся восточных стран является, скорее, приспособлением своих культурно-цивилизационных особенностей к реалиям уже сформированной мировой структуры отношений, созданной Западом и США и ориентированной на нужды высокоиндустриализованных стран, чем политико-экономическим «вызовом» Западу вне старой структуры¹⁹. Такие «вызовы» наиболее успешно (пример — Япония) осуществлялись именно в рамках мировых структур, созданных самим Западом, а потому они и были так болезненно им восприняты. Другое дело, что Западу пока вполне удастся успешно амортизировать эти «вызовы», при этом интенсивно трансформируясь самому и

повышая свою конкурентоспособность «через» ответы на эти новые вызовы.

Таким образом, если анализировать разного рода «вызовы», то, вероятнее всего, можно говорить о вызовах «американской модификации» западного пути развития, о попытках, сформулировать «неамериканский» вариант «западного пути» в рамках ЕС или «Большой Европы», хотя культурная. Экономическая и политическая консолидация Запада в последнее время также происходит достаточно активно. «Вызов» в будущем, возможно, будет сформулирован в рамках «Большого Китая», если Китай сумеет успешно завершить эксперимент по своей экономической и политической трансформации в среднеразвитое по мировым меркам демократическое государство с национальной спецификой, как это было подтверждено в очередной раз на XVIII съезде КПК. В последнее время стали явственно видны усилия «вдохнуть» новые силы или переосмыслить западную модель развития, используя, в частности, и опыт Китая²⁰. В этом смысле напрогноченное С. Хантингтоном грядущее столкновение цивилизаций идет, скорее, не по линии «Запад — Незапад», а принимает характер многовариантного вызова традиционному американскому пути развития как универсальному внутри («особая» позиция Франции, а иногда Германии и Италии, в целом ЕС), и вне Запада («китайская альтернатива»), что, в конечном счете, приводит к поиску макрорегиональными сегментами западного мира, включая сами США, разных путей и способов повышения конкурентоспособности всей западной системы и ее субрегиональных сегментов. Такой «синтетический» путь повышает, кстати, и шансы открытого китайского макрорегиона на поиск совместного с западным миром нового сопряженного инновационного пути развития, где товар перестает быть национальным и становится продуктом совместного мультинационального производства, реализованным

на взаимосвязанном экономическом пространстве регионально сегментированного глобального рынка, и усиливает перспективу структурного инкорпорирования Китая в мировую систему как его новой и, возможно, важнейшей части. Похоже, что именно этот путь намечен новым американским (второй срок президента Обамы) и китайским руководством (Си Цзиньпин и Ли Кэцян), по крайней мере, на ближайшие пять, а возможно, и десять лет. Таким путем в целом повышается степень конкурентоспособности региональных моделей мирового развития, заставляющая эволюционным путем трансформировать современный мировой порядок и современную мировую экономическую систему в ее более конкурентное и одновременно все более целостное состояние.

При этом надо понимать, что конструктивный потенциал «цивилизационного национализма», так же как и «конфессионального национализма» («исламский вызов»), даже при очередных агрессивных всплесках деятельности радикалистских сил, уже фактически полностью исчерпан. Кроме того, «цивилизационный национализм», точно так же как и «конфессиональный национализм», никогда не гарантировал, да и не может на 100% гарантировать технологической модернизации и производства социальных и технологических инноваций, по производству которых исламский макрорегион, в частности, безнадежно отстает не только от евроатлантического экономического пространства и Восточной Азии, но все больше и от латиноамериканского макрорегиона с его новыми крупными стремительно модернизирующимися державами, особенно Бразилией. То есть «цивилизационный национализм» и внешнеполитический консерватизм уже не могут являться внешнеполитической альтернативой конструктивной и открытой внешней политике, открытой регионализации и транснационализму, если только

не исходить из теории Мао Цзэдуна или ее современных аналогов о неизбежности ядерной войны, в которой будет, как он считал, уничтожена система империализма со всем его населением, но все равно останется достаточная часть китайского населения, чтобы обеспечить развитие социализма во всем мире по модели Мао Цзэдуна.

Таким образом, в современном мире технологические и социальные инновации неразрывно связаны²¹, социальные инновации определяют пути и способы формулирования научной, технологической и инновационной политики государства, обеспечивают равные возможности использования инноваций всеми странами общества на основе демократических социально-политических платформ, позволяющих участвовать в этом процессе разнообразным социальным и политическим акторам. В этой связи образование и исследования в научных областях, производстве технологий и инноваций должны выйти за узкие рамки элитной науки и сконцен-

трироваться на решении социальных проблем широкого круга стран, для чего нужна координация этой политики в системе национального и регионально-социально-экономического планирования, повышение уровня глобального управления и разработка новых кооперативных стратегий на всех уровнях мировой политики. В решении этих проблем на национальном уровне государственно-частное партнерство играет важную роль в выработке конкурентных механизмов поддержки социальных инноваций, которые и создают основу инноваций технологических, а также их широкой и относительно равномерной диффузии, уменьшающей дифференциацию в мире. Формулирование новых возможностей конструирования глобальных инновационных партнерств и создания глобальных инновационных платформ, способствующих диффузии социальных и технологических инноваций — задача не только внутренней, но и зрелой внешней политики государств разных типов социального доступа.

Список литературы

1. Бирюков А.В., Зиновьева Е.С., Крутских А.В. и др. Инновационные направления современных международных отношений / под ред. А.В. Крутских и А.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2010. [Biriukov A.V., Zinovieva E.S., Krutskikh A.V. Innovatsionniye napravleniya sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy / Krutskikh A.V., Biriukov A.V. eds. M.: Aspekt press, 2010.]
2. Богатуров А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе / А. Богатуров // Международные процессы. Т. 2. № 1. С. 16–33. [Bogaturov A. Poniatiye mirovoi politiki v teoreticheskom diskurse // Mezhdunarodniye protsessi. T. 2. № 1. S. 16–33.]
3. Воскресенский А.Д. Социальные порядки и пространство мировой политики // Полис. 2013. № 5. С. 6–23. [Voskresenskiy A.D. Sotsial'niye poriadki i prostranstvo mirovoi politiki // Polis. 2013. № 5. S. 6–23.]
4. Воскресенский А.Д. Мировые стратегии великих держав и императивы внешней политики России / А.Д. Воскресенский. Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М.: Научный эксперт, 2013. С. 215–228. [Voskresenskiy A.D. Mirovyye strategii velikikh derzhav i imperative vneshnei politiki Rossii / Voskresenskiy A.D. Rossiyskaya gosudarstvennost': istoricheskiye traditsii i vizovy XXI veka. M.: Nauchniy expert, 2013. S. 215–228.]
5. Воскресенский А.Д. Жунжу шице цай нэн фахуэй гэн да цзоюн (Только войдя в мир, можно играть в нем большую роль) / А.Д. Воскресенский // Жэньминь жибао. 09.01.2013. С. 3. [Voskresenskiy A.D. Zhunzhu shitse tsai nen fakhuei gen da tsoiun // Zhenmin zhibao. 09.01.2013.]
6. Глазьев С.Г. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Г. Глазьев. М.: Экономика, 2011. Гл. 2, § 2.3. «Нужен ли России существующий мировой порядок?». С. 42–54. [Glaziev S.G. Stragetiya operezhaiutsego razvitiya Rossii v usloviakh global'nogo krizisa. M.: Ekonomika, 2011. Gl.2, § 2.3. «Nuzhen li Rossii sutschestvuiutshiy mirovoi poriadok?». С. 42–54.]
7. Гринин Л.Е., Коротав А.В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена / отв. ред. С.Ю. Мальков. М.: Книжный дом «Либро-

- ком», 2010. [Grinin L.E., Korotaev A.V. Global'niy krizis v retrospective: Kratkaya istoriya pod'emov I krizisov: ot Likurga do Alana Grinspena / otv. Red. S.Iu. Mal'kov. M.: Knizhniy dom "Librokom", 2010.]
8. Гриняев С.Н., Фомин А.Н. Мировая экономика: реальность или фикция? / С.Н. Гриняев, А.Н. Фомин. М.: Издательство «ФондИВ», 2008. [Griniaev S.N., Fomin A.N., Mirovaya ekonomika: real'nost' ili fiktsiya? M.: Izdatel'stvo "FondIV", 2008.]
 9. Кудров В.М. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития / В.М. Кудров. М.: Юстицинформ, 2011. С. 300–308. [Kudrov V.M. Mezhdunarodniye ekonomicheskiye sopostavleniya I problem innovatsionnogo razvitiya. M.: Iustitsinform, 2011. S. 300–308.]
 10. Лебедева М. Предметное поле и предметные поля мировой политики / М. Лебедева // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2 (5). [Lebedeva M.M. Predmetnoye pole I predmetniye polia mirovoi politiki // Mezhdunarodniye protsessi. 2004. T. 2. № 2 (5).]
 11. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шаплеиной и А.А. Байкова. М.: Аспект-Пресс, 2013. [Megatrendi. Osnovniye traektoriyi evoliutsiui mirovogo poriadka v XXI veke. Pod red. T.A. Shakleinoi I A.A. Baikova. M.: Aspekt press, 2013.]
 12. Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект-Пресс, 2009. [Sovremennaiya mirovaia politika. Prikladnoi analiz. Pod red. A.D. Bogaturov. M.: Aspektpress, 2009].
 13. Чанышев А.А. Проект «замкнутого торгового государства» И.Г. Фихте и противоречия «современной эпохи» // Сравнительная политика. 2011. № 2. С. 3–13. [Chanyshv A.A. Proekt "zamknutigi togovogo gosudarstva" I.G. Fikhte I protivorechiya "sovremennoi epokhi" // Sravnitel'naya politika. 2011. № 2. S. 3–13].
 14. Чжунго 2020: Фачжань мубяо хэ чжэнцэ цюсян (Китай 2020: цели развития и направление курса) / под ред. Чжан Юйтаа. Пекин: Чжунго фачжань чубаньшэ, 2008. [Chzhungo 2020: Fachzhan' mubiao he chzentse tsusian. Chzhan Iuitaia ed. Pekin: Chzungo fachzhan' chuban'she, 2008.]
 15. Чжунгоды фачжань: шицзе тяочжань хай ши цзюй (Китайское развитие: мировой вызов или возможность мирового масштаба?). Пекин: Дандай шицзе яньцзю чжунсинь, 2006. [Chzhungodi fachzhan': shitsze tiaochzhan' khai shi tziyui. Pekin: Dandai shitsze ian'tszu chzhunsin', 2006].
 16. Шугуров М.В. Международное право и технологический разрыв: проблемы и решения / М.В. Шугуров // Право и политика. 2011. № 5. С. 786–805. [Shugurov M.V. Mezhdunarodnoye pravo I takhnologicheskii razryv: problem I resehniya // Pravo I politika. 2011. № 5. S. 786-805].
 17. Шугуров М.В. Мировая финансовая система и перспективы глобального инновационно-технологического развития: международно-правовой аспект // Право и политика. 2011. № 2. С. 196–213. [Shugurov M.V. Mirovaya finansovaya sistema I perspektivu global'nogo innovatsionno-tekhnologicheskogo razvitiya: mezhdunarodno-pravovoi aspekt // Pravo I politika. 2011. № 2. S. 196–213].
 18. Шугуров М.В. Научно-технологическая и инновационная деятельность в глобальном мире: взаимодействие национального опыта и международного права // Право и политика. 2010. № 11. С. 1934–1949. [Shugurov M.V. Nauchno-tekhnologicheskaya i innovatsionnaya deyatel'nost' v global'nom mire: vzaimodeistviye natsional'nogo opita I mezhdunarodnogo prava // Pravo I politika. 2010. №11. S. 1934-1949].
 19. Шуду Чжунго Саньшинянь (Китай в цифрах за 30 лет). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2008. [Shudu Chzhungo san'shinian'. Pekin: Shehuei kesiye ven'sian' chuban'she, 2008].
 20. El Haroui, Hakim. Reinventer L'Occident. Essai Sur Une Crise Economique. Paris: Flammarion, 2010.
 21. Elman, Colin & Miriam Fendius Elman (eds.). Foreword by Kenneth N. Waltz. Progress in International Relations Theory. Appraising the Field. Cambridge, MA & London: The MIT Press, 2003.
 22. Fergusson N. Civilization: The West and the Rest. N.Y.: Penguin Press, 2011.
 23. Industrial Innovation in China. Operation, Performance and Prospects for China's Industrial Innovation System: Impact of Reform and Globalization. New York: The Levine Institute The State University of New York, 2006.
 24. Lewis, Kirsten and Sarah Burdsharps. The Measure of America. 2010–2011. Mapping Risks and Resilience. N.Y. & L.: New York University Press, 2011.
 25. Naufgton, Barry. The Chinese Economy. Transitions and Growth. Cambridge, Mass. & L.: The MIT Press, 2007.
 26. Quinlan, Joseph P. The Last Economic Superpower. The Retreat of Globalization, the End of American Dominance, and Way We Can Do About It. N.Y.: MacGraw Hill, 2011.
 27. Segal A. Advantage. How American Innovation Can Overcome Asian Challenge. N.Y.: W.W.Norton & Co., 2011.
 28. Urama, Kevin Chika & Ernest Nti Acheampong. Social Innovation Creates Prosperous Societies // Stanford Social Innovation Review. 2013. Vol. 11. № 3. P. 11.
 29. Yifu Lin, Justin. Demystifying the Chinese Economy. Cambridge, MA.: Cambridge University Press. 2012

- ¹ Статья основана на материалах книг «Мировое комплексное регионоведение» и «Практика зарубежного регионоведения и мировой политики» под ред. А.Д. Воскресенского, готовящихся к публикации издательством «Магистр» (Москва).
- ² Ferguson N. *Civilization: The West and the Rest*. N.Y. : Penguin Press, 2011.
- ³ Воскресенский А.Д. Социальные порядки и пространство мировой политики // Полис. 2013. № 5. С. 6–23; Воскресенский А.Д. Мировые стратегии великих держав и императивы внешней политики России / А.Д. Воскресенский. Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М.: Научный эксперт, 2013. С. 215–228; Воскресенский А.Д. Жунжу шицзе цай нэн фахуэй гэн да цзююн (Только войдя в мир, можно играть в нем большую роль) // Жэньминь жибао. 09.01.2013. С. 3.
- ⁴ См. Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003; Лебедева М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2(5).
- ⁵ Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шапклинной и А.А. Байкова. М.: Аспект-Пресс, 2013.
- ⁶ Богатуров А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. Т. 2. № 1. С. 16–33. См. также: Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект-Пресс, 2009.
- ⁷ Elman, Colin & Miriam Fendius Elman (eds.). Foreword by Kenneth N. Waltz. *Progress in International Relations Theory. Appraising the Field*. Cambridge, MA & London: The MIT Press, 2003.
- ⁸ Чанышев А.А. Проект «замкнутого торгового государства» И.Г. Фихте и противоречия «современной эпохи» // Сравнительная политика. 2011. № 2. С. 3–13.
- ⁹ Шугуров М.В. Международное право и технологический разрыв: проблемы и решения // Право и политика. 2011. № 5. С. 786–805; Шугуров М.В. Мировая финансовая система и перспективы глобального инновационно-технологического развития: международно-правовой аспект // Право и политика. 2011. № 2. С. 196–213; Шугуров М.В. Научно-технологическая и инновационная деятельность в глобальном мире: взаимодействие национального опыта и международного права // Право и политика. 2010. № 11. С. 1934–1949.
- ¹⁰ Гриняев С.Н., Фомин А.Н. Мировая экономика: реальность или фикция? М.: Издательство «Фонд-ИВ», 2008; Гринин Л.Е., Коротаяев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена / отв. ред. С.Ю. Мальков. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- ¹¹ Глазьев С.Г. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2011. Гл. 2, § 2.3. «Нужен ли России существующий мировой порядок?». С. 42–54.
- ¹² Кудров В.М. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. М.: Юстицинформ, 2011. С. 300–308.
- ¹³ Подробнее об этих процессах см.: Бирюков А.В., Зиновьева Е.С., Крутских А.В. и др. Инновационные направления современных международных отношений / под ред. А.В. Крутских и А.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2010.
- ¹⁴ Segal A. *Advantage. How American Innovation Can Overcome Asian Challenge*. N.Y. : W.W. Norton & Co., 2011.
- ¹⁵ Lewis, Kirsten and Sarah Burdsharps. *The Measure of America. 2010–2011. Mapping Risks and Resilience*. N.Y. & L.: New York University Press, 2011.
- ¹⁶ Шуду Чжунго Саньшинянь (Китай в цифрах за 30 лет). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2008; Чжунго 2020: Фачжань мубяо хэ чжэнцэ цюсян (Китай 2020: цели развития и направление курса). Под ред. Чжан Юйтая. Пекин: Чжунго фачжань чубаньшэ, 2008. См., также: Naufgton, Barry. *The Chinese Economy. Transitions and Growth*. Cambridge, Mass. & L.: The MIT Press, 2007; Yifu Lin, Justin. *Demystifying the Chinese Economy*. Cambridge, MA. : Cambridge University Press, 2012.
- ¹⁷ Quinlan, Joseph P. *The Last Economic Superpower. The Retreat of Globalization, the End of American Dominance, and Way We Can Do About It*. N.Y.: MacGraw Hill, 2011, P. 248–249.
- ¹⁸ *Industrial Innovation in China. Operation, Performance and Prospects for China's Industrial Innovation System: Impact of Reform and Globalization*. New York: The Levine Institute The State University of New York, 2006.
- ¹⁹ Чжунгоды фачжань: шицзе тяочжань хай ши цзюйю (Китайское развитие: мировой вызов или возможность мирового масштаба?). Пекин: Дандай шицзе яньцзю чжунсинь, 2006.
- ²⁰ Ibid. P. 260–262. См. Также: El Haroui, Hakim. *Reinventer L'Occident. Essai Sur Une Crise Economique*. Paris: Flammarion, 2010.
- ²¹ Urama, Kevin Chika & Ernest Nti Acheampong. *Social Innovation Creates Prosperous Societies* // *Stanford Social Innovation Review*. 2013. Vol. 11. № 3. P. 11.